

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.161.1.09

И.А. Вяткина, О.Б. Лебедева

ДИГЛОССИЯ ЭПИСТОЛЯРИЯ В.А. ЖУКОВСКОГО

Рассматриваются проблемы двуязычия русской литературы начала XIX в. на материале русско-французских писем В.А. Жуковского к русской императрице Александре Федоровне. Анализируя письмо Жуковского к императрице, имеющее три редакции на французском и русском языках, автор делает попытку выявить французский субстрат русского письма.

В начале XIX в. французский язык, будучи разговорным языком русской аристократии, был основным средством бытового эпистолярного общения. Однако по-французски писались не все письма. Французским языком ограничивалась официальная корреспонденция и переписка с женщинами, поскольку он давал готовые этикетные речевые формулы обращения, просьбы, ходатайства, сообщения и комплимента; кроме того, французский язык в своей абстрактно-понятийной сфере был развит несравненно больше русского. В начале 1820-х гг. Пушкин писал: «...проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны» [3. С. 21].

Многие исследователи отмечают факт параллелизма двух языков, русского и французского, в переписке XIX в.: при этом области применения каждого из них четко дифференцированы. Наблюдения связаны, в первую очередь, с письмами А.С. Пушкина, наиболее яркого репрезентанта двуязычной культуры своей эпохи. Однако письма других писателей начала XIX в. не менее интересны для изучения двуязычного мышления. Это, например, письма В.А. Жуковского, которого исследователи по праву считают родоначальником нового русского литературного языка. Эпистолярное наследие Жуковского предлагает исследователю русского билингвизма в сфере эпистолярного общения полный спектр всех возможных вариантов: некоторым своим адресатам (П.А. Вяземскому, Н.В. Гоголю, П.А. Плетневу) Жуковский писал только по-русски, некоторым – только по-французски (А. Мальтицу, К. Моргенштерну, Фридриху-Вильгельму IV), но наиболее интересен тот случай, когда эпистолярное общение Жуковского с кем-то из его корреспондентов было двуязычным. Одним из самых любопытных случаев билингвизма эпистолярия Жуковского являются его письма к русской императрице Александре Федоровне.

С Александрой Федоровной, урожденной принцессой Прусской Фридерикой Луизой Шарлоттой Вильгельминой, у Жуковского сложились особые отношения. Незадолго до того, как прусской принцессе предстояло стать русской великой княгиней, женой великого князя Николая Павловича (1 июля 1817 г.), Жуков-

ский был назначен к ней учителем русского языка (апрель 1817 г.). Будущая императрица и мать великого князя Александра Николаевича на долгие годы станет одним из постоянных адресатов переписки Жуковского, адресатом его прозаических и поэтических манифестов («Рафаэлева мадонна», «Лалла Рук» и т.д.). Переписка поэта с императрицей, не прерывавшаяся до самой смерти Жуковского, является одним из наиболее ценных памятников эпистолярной культуры первой половины XIX в. и одним из наиболее репрезентативных явлений как русского эпистолярного билингвизма, так и русской культурной диглоссии.

В первые годы переписки с Александрой Федоровной Жуковский, в соответствии со своей должностью учителя русского языка, писал к ней исключительно по-русски. Затем, начиная со второго заграничного путешествия поэта (1826–1827 гг.), когда их отношения перестали определяться педагогической функцией поэта, он перешел на французский язык, который, однако, не сделался универсальной формой их эпистолярного общения. Часто области применения русского и французского языков разграничивались личным отношением поэта к событию, служащему поводом для написания письма. В ситуациях, когда письмо, посвящается глубоко эмоционально насыщенным эпизодам личной жизни самого поэта (например, смерть М. Протасовой и А. Воейковой, разлад с императорской семьей, долгожданное рождение дочери), он предпочитает французский язык, в ситуации же, требующей сопереживания при аналогичных обстоятельствах жизни Александры Федоровны (смерть дочери императора и императрицы), – русский.

Письмо на русском языке требовало большей работы над стилем, выбором слов, компоновкой фраз. Оно по определению не могло быть клишированным и похожим на другие письма; очень часто, за счет ассоциативных отсылок к другим текстам, известным обоим корреспондентам, русское письмо приобретало своего рода эзотерический смысл и становилось своего рода тайнописью: по всем этим причинам русское письмо было более личным, интимным и искренним. Французский же язык, обладающий арсеналом устойчивых фраз и речевых оборотов, оказывался оптимально соответствующим тем случаям, когда содержанием письма становилось или абсолютно нейтральное событие, или, напротив, острое личное эмоциональное переживание. Новость, не требующая душев-

ного участия, сообщалась Александре Федоровне по-французски, и сообщалась она в этом случае от лица подданного. А для глубоко личных переживаний радости или горя язык, в котором уже есть этикетные формулы их выражения, очень часто становился своего рода эмоциональным фильтром, в котором Жуковский не нуждался в своем общении с близкими друзьями, но который был необходим в общении с царственной особой – даже для поэта, чьи контакты с членами императорской семьи были намного менее формализованными, чем у обычных подданных.

Среди эпистолярных обращений Жуковского к императрице особого внимания заслуживают письма, написанные на разных языках, но по одному и тому же поводу. 13 июня 1826 года Жуковский пишет Александре Федоровне из Эмса французское письмо [1. Л. 11–13 об.], на следующий день, 14 июня, практически то же самое содержание оформляется в письме, написанном по-русски [1. Л. 3–5 об.], а 15 июня поэт вновь возвращается к французскому варианту письма, поправляя его стилистически, вычеркивая некоторые фрагменты, но сохраняя тот же композиционный принцип [2. С. 6–21].

Все эти три текста – варианты одного и того же письма, написанного на двух языках. Совершенно очевидно, что в данном случае выбор языка обращения явился сознательно рефлектируемой проблемой: поэт явно экспериментирует в поисках формы обращения, наиболее адекватной поводу и условиям. Повод к написанию этого письма, несомненно, был особенно важен для Жуковского, именно поэтому он колеблется в выборе языка и тщательно работает над своим стилем; следы этой работы очевидны, в частности, в двух французских текстах. Поэт заменяет некоторые слова и выражения, ищет более точные формулировки. Кроме стилистической правки необходимо отметить и значительные смысловые изменения: некоторые излишне смелые пассажи, в которых излагаются размышления о природе и функциональности царской власти, Жуковский удаляет из второго французского варианта текста. Так, в первом французском варианте письма от 13 июня читаем:

Rien ne rejouit tant les cœurs, que cette conformité du Souverain avec l'opinion générale toujours juste et incorruptible en ce qui regarde le vrai mérite. Tandis que rien n'attriste autant les esprits et ne détache le peuple de son souverain que l'approbation suprême accordé à ce qu'on prit ou qu'on méprise. Alors toutes les bonnes idées sont déroutées. Le vice est encouragé, les bons sont blessés dans tout ce qu'ils aiment et respectent et le peuple perd son grand stimulant pour la vertu, en voyant que son Chef la méprise ou la méconnaît en lui assimilant le vice. – Madame, je ne vous demande pas pardon pour ces lignes; je suis accoutumé à Vous parler d'abandon de cœur: mon langage avec vous n'est que l'expression franche de ma profonde estime pour Votre beau caractère.

Перевод: Ничто так не радует сердца, как это согласие Государя с общим мнением, правильным и непогрешимым в том, что касается истинных заслуг. Между тем ничто так не печалит ум и не отделяет народ от своего государя, как высшее одобрение тому, о чем просим и что презираем. Тогда все добрые идеи уходят. Порок поощряется, добрых людей ранят тем, что они любят и уважают, и народ теряет свое самое большое стремление к добродетели, видя, что его Властитель ее презирает или от нее отрекается, уподобляя ее пороку. – Сударыня, я не прошу прощения за эти строки; я привык говорить с вами от чистого сердца: моя манера говорить с вами есть искреннее выражение чувства глубокого уважения к вашему прекрасному характеру.

Вернувшись через два дня к этим строкам, Жуковский смягчает их смысл:

Rien ne rejouit tant les cœurs, que cette conformité du Souverain avec l'opinion générale toujours juste et incorruptible en ce qui regarde le vrai mérite. Alors toutes les bonnes idées sont sanctionnées, le vice est découragé, les hommes vertueux sont rassurés dans tout ce qu'ils aiment et qu'ils respectent, et le peuple acquiert un nouveau stimulant pour le bien, en voyant que son Chef l'approuve, le respecte et le proclame par ses récompenses.

Перевод: Ничто так не радует сердца, как это согласие Государя с общим мнением, правильным и непогрешимым в том, что касается истинных заслуг. Тогда все добрые идеи одобрены, порок уничтожен, добродетельные люди успокоены тем, что они любят и уважают, и народ приобретает новое стремление к добру, видя, что его Властитель его одобряет, уважает и показывает своими деяниями.

Заменив слишком смелый пассаж первого письма его этико-смысловой антитезой (добрые идеи уходят – добрые идеи одобрены; порок поощряется – порок уничтожен; добрых людей ранят – добродетельные люди успокоены; народ теряет стремление к добродетели – народ приобретает стремление к добру и т.д.), поэт смягчает его резкий тон, но не меняет его основную идею: идею важности верховной власти для нравственного развития народа и утверждение руководящей функции власти в воспитании народной добродетели.

Один и тот же композиционный принцип сохраняется во всех трех текстах. Жуковский начинает письмо с благодарности за разрешение писать к императрице, затем говорит о смерти Карамзина и заканчивает письмо описанием своего лечения на водах в Эмсе.

Русский вариант письма, написанный 14 июня, имеет в своей основе французский текст и поэтому некоторые его фрагменты, предложения, словосочетания представляют собой перевод аналогичных языковых конструкций французского текста. Так, начало первого французского письма переносится в русский текст лишь с незначительными изменениями и не подвергается стилистической обработке во втором французском варианте письма: это ритуальные французские приветственные фразы, начинающие любое письмо, которым Жуковский ищет соответствие на русском языке:

Arrivé à ma destination, je m'empresse de profiter de la gracieuse permission que Votre Majesté Impériale a bien voulu me donner d'écrire à Elle. Je commence par ce qui m'est le plus cher: par exprimer de nouveau les sentiments profonds de reconnaissance pour la bonté que Vous, Madame, et Sa Majesté l'Empereur m'avez témoignés au moment de mon départ. C'est un souvenir ineffaçable et je le porte comme un trésor dans mon ame.

Перевод: Прибыв на место своего назначения, я спешу воспользоваться милостивым разрешением писать Вам, которое Вы, Ваше Императорское Величество, пожелали мне дать. Начну с того, что мне всего дороже: с выражения чувств глубочайшей благодарности за доброту, которую Вы, Всемиловитейшая Государыня, и Его Величество Император оказали мне в минуту моего отъезда. Это неизгладимое воспоминание и я ношу его, как сокровище, в моей душе.

В русском письме от 14 июня этот пассаж переведен на русский язык практически дословно:

Немедленно, по прибытии моем на место моего назначения, спешу исполнить драгоценную для меня волю Вашего Императорского Величества и живейшее желание моего сердца, спешу писать к вам, всемиловитейшая Государыня! Примите мою всеподданнейшую благодарность за сие милостивое повеление. Покидая Россию и во все время моего пу-

тешества, я часто, часто думал о Вас, всемилостивейшая Государыня, думал и мысленно благословлял вас.

Сохраняя синтаксис и порядок слов, Жуковский ищет русские эквиваленты французских выражений: так, например, с целью передать не только смысл, но и пафос французского словосочетания «un souvenir ineffaçable – неизгладимое воспоминание», Жуковский дважды повторяет глагол «думать» усиливая этот прием двойным повтором наречия «часто»: «я часто, часто думал о Вас <...>, думал и <...>».

Главная тема письма – смерть Н.М. Карамзина. Делясь своими переживаниями по поводу этого трагического события, Жуковский ищет русские эквиваленты французских слов и выражений, которые он использовал в первом французском письме. Сравнивая фрагменты писем, посвященные этому событию, находим, что мысль, выраженная по-французски, практически эквивалентно переведена на русский язык.

Например, в письме от 13 июня читаем:

Quelle nouvelle m'attendait à mon arrivée ici. Karamzine n'est plus.

Перевод: Какое известие ожидало меня при моем прибытии сюда! Карамзина нет более.

В русском письме это предложение переведено практически дословно:

Карамзина нет!... Вот что ожидало меня при моем сюда прибытии.

Такой же почти дословный перевод с небольшими изменениями в порядке слов или в выборе отдельных синонимичных слов или словосочетаний находим и в следующих примерах:

Французское письмо от 13 июня:

Jamais un être plus pur n'a orné le monde!

Перевод: Никогда еще существо более чистое не украшало мир!

Les bénédictions de sa patrie <...> le suivront dans la tombe et rendront sacrée la place où reposent ses cendres.

Перевод: Благословения родины <...> последуют за ним в могилу и сделают священным место, где покоится прах его.

Русское письмо от 14 июня:

<...> подобной [души] в чистоте на земле не было.

Благословенно место, где покоится прах его! Оно будет святынею для отечества.

Интересно, что те предложения, которые Жуковский переводит с французского в русской редакции своего письма, не подвергаются дальнейшей стилистической обработке при вторичном переводе во втором французском варианте письма от 15 июня.

Стремление к поиску эквивалентов наблюдается и в переводе отдельных слов и словосочетаний. Назвав Карамзина «мудрым советником» (un conseiller sage) во французском письме, Жуковский повторяет этот эпитет и в его русской редакции: «непорочность младенца <...> соединена была в нем с высокою мудростию мужа».

Иногда слово или выражение, найденное Жуковским для перевода мысли с французского языка на русский, не вполне его удовлетворяет. В этом случае поэт компенсирует такой перевод вводом другого компонента, уточняющего или дополняющего смысл французского слова. Это случай с французским выражением «rendre justice» (воздать должное), употребленное Жуковским в следующем контексте: «l'Empereur lui a rendu justice» (Император воздал ему должное). Существующий

перевод «воздать должное» не вполне отражает смысл французского выражения «rendre justice», в котором слово «justice» является синонимом слова «juge» (судья). Тогда поэт, говоря об императоре, вводит словосочетание «законный судья»: «[Государь] как законный судья <...> заплатил ему долг России». Найденное Жуковским французское выражение более полно и лаконично выражает идею законности и справедливости высшей милости императора по отношению к великому русскому писателю, историку и философу.

В целом русское письмо короче французского. Французский язык располагал к размышлениям, комплиентам, выражениям благодарности и признательности. Французское письмо имеет более светский тон, поэтому в нем Жуковский подробнее рассказывает о своем путешествии, лечении и находит больше похвальных слов императору. Поздравление с будущей коронацией во французском письме более пространно и поэтично, а в русском укладывается в несколько коротких предложений, которые, однако, вбирают в себя смысл и тон всех французских комплиментов.

Конец французского и русского писем также имеет много общего в языковом и композиционном планах. Жуковский просто переводит или пересказывает близко к французскому первоисточнику отдельные предложения и словосочетания. Например, во французском письме от 13 июня он так начинает пассаж о своей жизни в Эмсе:

Votre Majesté me permettra d'entrer dans quelques details sur moi-même.

Перевод: Ваше Величество, разрешите мне войти в некоторые подробности относительно меня самого.

В русском письме находим почти то же: «Осмеливаюсь прибавить несколько слов о самом себе». Встречаются случаи дословного перевода с заменой существительного его синонимом. Например, французское предложение: «le voyage m'a fait un grand bien» (*перевод:* путешествие принесло мне большую пользу) в русском письме Жуковского приобретает следующую форму: «путешествие принесло мне решительную пользу». Почти дословно переведено на русский язык и следующее предложение:

J'ai commencé à me traiter et vraiment je sens déjà un bien-être intérieur.

Перевод: Я начал лечиться и, право, уже чувствую улучшение.

В русском варианте письма читаем:

Я начал употреблять воды и чувствую, что действие их для меня благотельно.

Как начало, так и конец русского и французского вариантов письма оформлены практически одинаково. На французском языке:

Je dois finir ma lettre en demandant à Votre Majesté pardon de son énorme longueur.

Перевод: Я должен кончить мое письмо, попросив у Вашего Величества прощения за его непомерную длину.

На русском:

Я должен кончить. Чувствую, что письмо мое слишком длинно; ласкаюсь, однако, надеждою, что Ваше Императорское Величество простите мне милостиво мое свободное и невольное многоречие.

Эти три варианта одного письма являются ярчайшим примером тщательной работы Жуковского над своими письмами к Александре Федоровне. Вероятно,

первый французский и второй русский варианты письма, оставшиеся в архиве Жуковского, стали своего рода черновыми эскизами для отправленного адресату третьего, французского, варианта письма: такое предположение позволяет высказать факт публикации этого текста в сборнике «Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя». Но в любом случае французский язык, язык этикетного общения, стал основой для его русской редакции. Как видно из примеров, Жуковский часто просто переводит или переделывает ранее написанный французский текст. Это свидетельствует о том, что в данном случае эпистолярная мысль поэта находит свое первоначальное выражение по-французски; опыт же создания русской редакции письма свидетельствует о том, что кроме проблемы выбора формы обращения Жуковский в данном случае преследовал и цель поиска (или создания) русских эквивалентов для устойчивых этикетных формул.

Французский язык, французская эпистолярная традиция и французская литература наложили свой отпечаток на язык и стиль писем Жуковского к Александре Федоровне. Благодаря совершенному знанию французского языка и литературы, Жуковский в своих французских письмах к императрице поэтизирует описываемые события, употребляя общепринятые обороты и устойчивые литературные словосочетания, ассоциативные текстам изящной французской словесности. В русских же письмах французский язык незримо присутствует, являясь неявным реконструируемым субстратом оборотов

русской речи, нередко впервые вводимых Жуковским в эпистолярный стиль русской словесности.

Проблема выбора языка для написания этого письма Александре Федоровне встала перед Жуковским не случайно. Отношение поэта к смерти Карамзина, послужившей поводом для написания письма, было неоднозначно. С одной стороны, Карамзин был другом императорской семьи, что Жуковский подчеркивает в письме: скорее всего, смерть его была и для членов императорской семьи личным горем. Но с другой стороны, и для самого Жуковского она была сильнейшим личным переживанием. Карамзин при дворе был тем же, чем являлся и сам Жуковский: поэтом, наставником, учителем и другом. Поэтому в данном случае дилемма – какой язык предпочесть, встала особенно остро: с одной стороны, сочувствие императрице Жуковский предпочитал выражать по-русски, с другой – как бы заслонялся французскими устойчивыми оборотами от слишком очевидной откровенности в тех случаях, когда речь шла о его собственных интимных переживаниях. Выбирая язык, Жуковский остановился на французском: это свидетельство преобладание личной скорби Жуковского о смерти Карамзина над сочувствием его царской ученице. В подобной ситуации русский текст мог ему показаться излишне личным. Письмо, написанное на французском языке, языке этикетного общения, больше соответствовало статусу Жуковского, говорившего от лица такого же подданного, каким был и сам Карамзин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жуковский*, Василий Андреевич. Письма (4) к имп. Александре Федоровне, ранее в.к. [1819–1826] // ПД. 27.733 / СХС VIII 65.
2. *Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя*. СПб., 1907. Вып. 1.
3. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11.

Статья представлена кафедрой русской и зарубежной литературы XIX века филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 18 мая 2006 г.